

О.Н. Наумов

Об актуальных проблемах российской геральдики

Влюбой науке всегда есть комплекс проблем, требующих разрешения. Для истории одной из важнейших задач является борьба с мифами и исправление многочисленных ошибок, бытующих как в массовом сознании, так и в популярной, справочной, а иногда и в учебной литературе. Дело это, правда, почти безнадежное. Сколько историки ни стараются что-то исправить, сколько ни описывают, как было на самом деле, сколько ни ссылаются на источники, ложные мнения и неточности бесконечно воспроизводятся. Не стала исключением и геральдика.

Объектом ее изучения, как известно, являются гербы, но определить, что это такое, оказывается довольно трудно, поскольку существуют близкие, но не тождественные понятия «эмблема», «символ», «логотип». Их часто путают с гербами. При решении вопроса надо исходить из того, что герб — не орнамент, не украшение, не узор, а, в первую очередь, сложный правовой и социальный знак, отражающий вполне конкретные исторические реалии. В этом его фундаментальное отличие, например, от эмблемы, которая всего лишь в визуальной форме передает некую информацию.

Гербы стали результатом развития европейской средневековой культуры, и только с определенного времени можно говорить об их существовании. Такое понимание было достигнуто не сразу. В так называемый период «живой геральдики», пришедший на XIV–XV вв., господствовало мнени-

е о том, что гербы существовали повсеместно и всегда. Это привело к возникновению феномена «фантастической геральдики», когда гербы составлялись для римских императоров, античных героев, библейских персонажей. На самом деле, заявлять о бытовании гербов в древнем мире или в раннее Средневековье есть большая и теоретическая, и фактическая ошибка, поскольку тогда отсутствовали какие-либо социальные предпосылки для данного института. Тем не менее, до сих пор термин «герб» может использоваться для обозначения античных эмблем и символов, причем даже в научной литературе и даже специалистами. Особенно часто смешивают понятия археологи, которые называют гербами любые изображения на монетах, печатях, посуде, оружии и иных предметах материальной культуры, безосновательно распространяя их иногда не только на древний мир, но даже на первобытное общество.

Такая ситуация связана, конечно, не столько с пережитками давно минувшего периода «живой геральдики», сколько с недостатком профессиональной подготовки и с сознательной подменой понятий, произошедшей в советской историографии. Чтобы как-то сохранить официально объявленную бесполезной для исторической науки геральдику, в 1930-е гг. предпринималась попытка ввести «широкое толкование герба». Так предлагалось называть многочисленные знаки, эмблемы, символы, которые имеются на вещественных памятниках любых периодов и регионов, вплоть до книжных миниатюр и элементов архитектурного декора. Геральдика вновь оказалась вневременным и внепространственным явлением, и отголоски этой ложной трактовки встречаются до настоящего времени.

Олег Николаевич Наумов — доктор исторических наук, профессор Московского государственного областного университета, действительный член Международной академии генеалогии (Франция), главный редактор альманаха «Гербоведение», Москва.

E-mail: onnaum@mail.ru

Другим аспектом понимания сущности герба является то, что в современной науке отсутствует внятное и полное его определение. Наиболее приемлемое из тех, которые бегут в литературе, сводится к тому, что герб – это опознавательный-правовой знак, составленный по определенным визуальным правилам и утвержденный органами верховной власти. Однако такая интерпретация не учитывает всех нюансов данного института. Например, если следовать ей буквально, то к гербам нельзя относить неутвержденные гербы, во множестве бытовавшие в русском дворянстве XVIII – начала XX в. Возникает также неясность с гербами периода становления геральдики, когда их утверждения не требовалось.

Терминологическая нечеткость касается не только термина «герб», но и понятия «геральдика». В литературе редко учитывается его многозначность. Между тем, в современном научном знании оно имеет три значения. Во-первых, геральдика – это специальная историческая дисциплина, изучающая гербы как исторический источник и явление исторической действительности. Это научная часть геральдического знания, и синонимом в данном случае будет слово «гербоведение». Во-вторых, геральдика – совокупность гербов, выделяемая по хронологическим, территориальным, социальным и иным признакам. Например, выражение «геральдика Московской области» подразумевает совокупность гербов, существовавших и/или существующих в регионе. Как синоним в данном случае может использоваться термин «геральдическое пространство». В-третьих, геральдика – это деятельность по составлению, описанию и изображению гербов¹.

Некоторые современные проблемы возникли из-за того, что стремление придать геральдике черты научного знания, систематизировать накопленный ей опыт появилось очень рано. Первый «ученый» трактат о гербах был написан в начале XIV в. Естественно, что в ранних сочинениях, далеких от науки в подлинном смысле слова, высказывались самые фантастические и ничем не подкрепленные версии. Потом они заимствовались другими авторами, перемещались из книги в книгу, становясь общепри-

нятыми мифами. И сколько ученые затем ни боролись с ними, эти ошибочные теории до сих пор успешно паразитируют в литературе, иногда даже в учебной.

Это, в частности, относится к так называемой опознавательной теории происхождения герба. Она связывает данное событие с первыми крестовыми походами. В одной войске соединились рыцари разных стран, не знавшие друг друга и не владевшие языками. С другой стороны, развитие вооружения привело к появлению закрытого шлема, полностью скрывавшего лицо и делавшего распознавание «свой-чужой» в бою чрезвычайно сложным. Рыцари нашли выход из ситуации, нанося изображения на щиты. Затем они возвращались из похода, хранили боевые щиты как память. Их сыновья также шли в крестовый поход, брали отцовские щиты. Постепенно изображения с них становились наследственными, превращались в гербы.

Теория романтическая, красивая, но очень уязвимая для критики. Сразу возникает вопрос: откуда рыцари могли знать, что изображение на щите означает союзника, а не противника. Существовавшие до крестовых походов шлемы также почти скрывали лицо, но почему-то не мешали опознаванию. Кроме того, указанной версии противоречат источники. Греческая царица Анна Комнина (1083–1153) писала, что щиты прибывших в Константинополь французских рыцарей были гладкими и одноцветными. Таким образом, опознавательная теория не соответствует ни элементарной логике, ни историческим фактам и должна быть, наконец, отвергнута.

Вопрос о времени возникновения гербов также сильно запутан в литературе. Даже некоторые современные авторы сообщают, что они появились в конце XI в. Данная точка зрения основывается на единственном предмете, который традиционно называют «ковром из Байё». Он представляет собой кусок грубой льняной материи (шириной 0,5 м и длиной 70,3 м) и называется по городу на северо-западе Франции. На «ковре» вышито 58 картин, рассказывающих о завоевании Англии норманнами в 1066 г. На щитах у рыцарей есть некие изображения, которые трактовались как ранние изо-

А. Дюрер. Герб смерти. 1507 г.

бражения гербов. «Ковер из Байё» изготовлен в 1080-х гг., отсюда и дата возникновения геральдики – конец XI в. Между тем, давно установлено, что изображения на щитах рыцарей не совпадают с гербами их потомков, и, кроме того, один человек мог изображаться с щитами, несущими различные эмблемы. Это однозначно свидетельствует о том, что никаких гербов на «ковре из Байё» нет. На самом деле они появились немного позже – в середине XII в., примерно между 1120-ми и 1170-ми гг.

Указанное время помогает установить более достоверно причины их появления. Основой были фундаментальные изменения в самом средневековом обществе, прежде всего, формирование его новой социальной структуры, тесно связанной с правовыми реалиями и с условиями землевладения. Становление иерархии с четко обозначенным положением каждого человека требовало «новых форм социального маркирования: нужно уметь идентифицировать, распознавать друг друга, представлять себя другим»². При поголовной неграмотности общества, даже элиты, проблема разделения дворян и не дворян обозначилась очень ост-

ро. В такой ситуации герб оказался гениальным изобретением. Он не требовал навыков чтения, был понятен любому, но при этом четко и точно выполнял функцию разделения социальных слоев. Логика оказалась самая элементарная: если у человека есть герб, то он принадлежит к дворянству; если герба нет, то к элите человек отношения не имеет. Крайней потребностью в системе социальной идентификации объясняется то, что гербы распространились с невероятной для замедленного в развитии Средневековья скоростью. В таком контексте становится понятно, почему многие из первых изображений связаны с печатями, которые выступают как знаки правового удостоверения. Социальный статус предполагал набор определенных прав, привилегий, служебных и экономических возможностей. Их выражал герб. Он не был просто картинкой, как его иногда воспринимают сейчас, но его можно назвать своеобразным социальным паспортом владельца, явлением правового характера.

Вечными проблемами и вечными мифами отечественной геральдики останутся два вопроса – о происхождении двуглавого орла и о смысле московского герба.

Мне сравнительно недавно приходилось писать о происхождении государственного герба России³, поэтому напомним суть дела вкратце. До сих пор в российском обществе и средствах массовой информации имеет широкое хождение версия о заимствовании двуглавого орла из Византии. Якобы великий князь московский Иван III, женившись на племяннице последнего византийского

Фрагмент «ковра из Байё». 1080-е гг.

императора Софье Палеолог, заимствовал герб Византии в знак того, что после падения этой империи центр православия переместился в Москву (теория «Москва – Третий Рим»). Теория появилась еще в XVIII в., была полным вымыслом, связанным с активной политикой на Балканском полуострове, и сейчас убедительно опровергнута, поскольку в Византии не существовало гербов. Софья Палеолог в момент появления герба (1490 г.) находилась в глубокой политической опале, идея о «Москве – третьем Риме» была высказана только в 1523 или 1524 г., а обрела популярность в конце XVI в., когда в России учредили патриаршество⁴. Несмотря на то, что ни один из элементов византийской версии происхождения двуглавого орла не подтверждается источниками, она широко тиражируется, в том числе и в школьных учебниках. Убедительно доказанное заимствование двуглавого орла из герба Священной Римской империи (Германии)⁵ остается известным только узкому кругу специалистов.

Ситуация с московским гербом еще хуже, чем с государственной символикой. Споры о том, кто изображен на нем – светский всадник (государь-воитель) или святой Георгий – ведутся с XIX в. Историки еще тогда, в позапрошлом столетии, установили, что никакого отношения к святому герб не имеет. Всадник появился в символике московских князей вскоре после образования их княжества, став с определенного времени своеобразным наследственным символом. Ни на одном рисунке московского всадника нет свечения вокруг головы, нимба – непрямого атрибута святого, собственно и символизирующего его святость. В XV в. рядом с всадником на монетах иногда просматриваются две буквы – «кн», означающие сокращенное слово «князь». Это свидетельствует о светском характере изображения⁶. В дипломатических источниках XVI–XVII вв. зафиксировано, что русские послы отвечали на вопросы иностранных правителей всегда одинаково: на гербе сам государь на коне. Наименование святым Георгием появилось в 1720-х гг. и впервые закреплено официально в 1730 г. при утверждении московского герба, перерисованного по правилам европейской геральдики.

Это было несомненной ошибкой. Ее допустил прибывший в Россию для сочинения гербов итальянец граф Франциск Санти, не знавший русского языка и не знакомый с культурой нашей страны. Он спутал светского всадника с популярным на Западе святым Георгием, покровителем рыцарства, закрепив неточность в описании московского герба. Так появилось историческое недоразумение, исправить которое вряд ли будет возможно. Власть широко использует образ святого в пропагандистских целях, для прославления «особой духовности» города. Русская православная церковь также видит в московском гербе некий момент своего присутствия. При утверждении герба, в 1990-е гг., ее представители предлагали срисовать всадника с иконы. И даже историки, которые в советское время всячески акцентировали светский характер изображения, уже стыдливо пытаются примирить историческую правду с идеологическими установками эпохи, заявляя, что московский всадник «иконографически близок» святому Георгию⁷, чем способствуют смешению двух нетождественных образов и бытованию мифа.

В особо сложную ситуацию попали, как всегда, учителя. Даже если они знают перечисленные выше геральдические тонкости, то им все равно приходится воспроизводить ложные версии, поскольку именно этого от них требует программа.

Перед российской геральдикой стоит комплекс источниковедческих и археографических проблем. Объективное изучение ее истории затруднено тем, что не изданы

Лицевая и оборотная стороны печати московского князя Даниила Александровича, на которой изображен светский всадник в шлеме. 1296–1298 гг.

основные геральдические источники – гербовники Б.К. Миниха 1730 г., князя М.М. Щербатова 1775 г., Л.И. Талызина конца 1780-х – начала 1790-х гг. и др., только частично доступен «Общий гербовник дворянских родов», почти ничего неизвестно о вещественных памятниках с гербами, хранящихся в собраниях музеев. Все перечисленное ведет к тому, что высказываются ложные мнения о «дикости русской геральдики», о ее неразвитости и отрешенности от общеевропейского герботворческого процесса. При этом – сознательно или неосознанно – используется недопустимый методический прием, когда период становления русской геральдики оценивается исходя из признаков развитой стадии европейской. За последние годы, конечно, много было сделано в сфере отечественного гербоведения, но не все проекты оказались реализованы и не только по вине исследователей, но, в значительной степени, из-за позиции музеев и архивов, которые почему-то именно в геральдических материалах видят источник особого обогащения. Например, неоднократно пытались издать полный корпус утвержденных дворянских гербов, но руководство (к счастью, уже бывшее) хранящего гербовники Российского государственного исторического архива выдвигало невыполнимые требования материального характера.

Активное герботворчество, которое охватило Россию, также имело множество последствий для дисциплинарного знания – как положительных, так и отрицательных. Оставляя в стороне визуальные и смысловые недостатки современных гербов, следует отметить, что развитие геральдики оказалось не совсем таким, как оно представлялось в период наибольшего интереса к ней в первой половине 1990-х гг. В частности, полностью провалилась попытка ввести гербы в обиход Русской православной церкви, не получили широкого распространения гербы в учреждениях и организациях. Разделение государственной и муниципальной власти привело к появлению гербов у сел, что нарушило традиционную связь герба

и статуса поселения (наличие герба отделяло город от деревни). Произошла сильная бюрократизация и коммерциализация герботворчества. При этом в геральдической сфере не возникло серьезного любительского движения, в отличие, например, от генеалогии, где частные родословные исследования стали действительно массовыми и охватили всю страну. Не было создано также эффективно работающих научных центров изучения гербов. Геральдика, по сути, как и раньше, остается уделом немногочисленных исследователей-энтузиастов.

Перед современным российским гербоведением, несмотря на бурное развитие за последнюю четверть столетия, стоит комплекс серьезных проблем: терминологических, методических, источниковедческих, герботворческих. Рано или поздно они будут разрешены, но само их разнообразие лучше всего свидетельствует о том, что геральдика – это актуальная часть жизни современного общества и неотъемлемая часть познания прошлого.

Ключевые слова: герб, геральдика, происхождение гербов, государственный герб, московский герб.

Keywords: coat of arms, heraldry, the origin of coats of arms, national emblem, coat of arms of Moscow.

Примечания

¹ Подробнее о терминах «герб» и «геральдика» см.: *Наумов О.Н.* Научная геральдика России. М., 2013. С. 25–239.

² *Пастуро М.* Символическая история Европейского Средневековья. СПб., 2012. С. 235.

³ *Наумов О.Н.* Государственный герб России как проблема исторического знания // Преподавание истории в школе. 2009. № 5. С. 3–8.

⁴ *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 471–472.

⁵ *Кучкин В.А.* Великокняжеская печать с двуглавым орлом грамоты 1497 года // Вопросы истории. 1999. № 4/5. С. 24–39.

⁶ *Молчанов А.А.* Предыстория московского герба // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и российская государственность. М., 2008. С. 457–464.

⁷ *Официальные символы Москвы.* [М.], 2000. С. 5.

